

САКРАЛЬНОЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УБЕЖИЩЕ ВМЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРИОДА ПЕЛОПОНЕССКОЙ ВОЙНЫ (ПО ДАННЫМ ФУКИДИДА)¹

Особенностью существующих переводов древнегреческих текстов на русский язык является замена не имеющих полного эквивалента частей исходного текста, либо, наоборот, компенсация обоснованного контекстом опущенного в оригинале лексического элемента с сохранением общего смысла, упрощающая восприятие текста читателем, но недостаточно отражающая семантическую особенность исходного слова и ограничивающая возможность проследить историческое развитие того или иного понятия и отражаемого им явления. В исследованиях по истории Древней Греции, предметом которых являются представления людей о богах и основанная на этих представлениях деятельность, традиционно широко употребляются термины, имеющие латинское происхождение (религия, культ, ритуал), часто не имеющие полного эквивалента в древнегреческом языке. В исследованиях последних десятилетий все чаще используется метод транслитерации (транскрибирования) древнегреческих лексем (агос, асилия, гикеты, асебия)¹, что хотя и может вызвать затруднения у не знающего язык читателя, однако позволяет избежать употребления не соответствующих историческому контексту исследования понятий.

Одним из основных положений системы веры в богов древних греков было представление о неприкосновенности священного места, даровавшее безопасность ищущим спасения, и связанное с ним понятие гикетия – «моление о защите». И.Е. Суриков называет гикетию («обращение к храму, общине или отдельному лицу с просьбой о защите, покровительстве») одним из самых распространенных видов асилии (институт неприкосновенности)². Убийство умоляющего о защите в святыне считалось кощунством ἄγος.

Исключительно важная роль понятия «агос» в системе почитания богов древних греков отражена в излагаемых Фукидидом взаимных требованиях очиститься от скверны, выдвигаемых спартанцами и афинянами накануне войны. Спартанцы требуют изгнать запятнанных Килоновой скверной (события 200-летней давности, наложившие проклятие на род Алкмеонидов, к которому по материнской линии относился Перикл. Умоляющие о защите сторонники Килона покинули святилище, заверенные в непричинении им вреда, и были убиты, виновными в убийстве были признаны Алкмеониды). В ответ афиняне требуют изгнать запятнанных скверной событиями на Тенаре (спартанцы убили молящих о защите илотов, выведя их из святилища Зевса на мысе Тенар) и виновных в кощунстве против Афины Меднодомной (спар-

¹ Публикуется в авторской редакции.

танский регент Павсаний, искавший убежища в святилище Афины Меднодомной от преследователей, был замурован в небольшом здании на священной территории; истощенного от голода, эфоры вывели его за пределы святилища, но он сразу умер). Несмотря на то, что все убитые гикеты были предварительно выведены из святынь, убийства их отразились в общественном сознании эллинов как агос, причастность к которому была основанием требовать «ἄγος ἐλαύνειν» - изгнать виновных в кощунстве.

Кроме обеспечения личной безопасности к приему *икέται* прибегали и с целью защиты интересов полиса. В рассказе Фукидида о конфликте между Керкирой и Коринфом из-за Эпидамна, страдающего от набегов изгнанных из города олигархов и варваров, послы эпидамнян обращаются за помощью к Керкире в святилище Геры именно как умоляющие (*икέται καθέζομενοι ἐς τὸ Ἦραιον ἐδέοντο*) (Thuc., I, 24, 7). К такому же приему прибегают митиленские послы (Thuc., III, 14, 1), прибывшие в Олимпию во время олимпиады, с намерением вступить в союз с лакедемонянами для защиты от афинян (*ἐν οὗ τῷ ἱερῷ ἴσα καὶ ἰκέται ἐσμέν*).

Рассказ Фукидида о событиях на Керкире дает еще один случай употребления термина *икέται* не в связи с поиском убежища на священной территории, хотя и связанный с совершением преступления против богов. Внутриполитические распри на Керкире начались после возвращения из Коринфа изгнанных олигархов, пятеро из которых были привлечены к суду лидером демократической партии Пифием за вырубку в священном участке (*τέμενος*) кольев (*χάρακας*) и оштрафованы на большую сумму. С целью разрешить им выплату частями олигархи сели у святынь как молящие (*τὰ ἱερά ἰκετῶν καθέζομένων*). По сообщению Фукидида, Пифий намеревался убедить Совет применить к виновным закон во всей его строгости. Поняв, что им откажут, олигархи «составили заговор... убили Пифия и других членов Совета, а также частных лиц, всего до 60 человек» (Фук., III, 70, 6).

Источники и исследователи отмечают участвовавшие случаи нарушения неприкосновенности святилищ, обусловленные общим упадком морали и пренебрежением к божеским и человеческим законам в ходе Пелопоннесской войны³. Тем не менее, данные Фукидида свидетельствуют об актуальности и результативности обращения к святыне в надежде спасти жизнь на протяжении всей войны. Так, в 418 г. аргивяне, окруженные со всех сторон войсками лакедемонян и их союзников, намеревались сражаться, но Фрасилл (1 из 5 стратегов аргивян) вместе с проксом лакедемонян Алкифроном по личной инициативе договорились со спартанским царем и полководцем Агидом о перемирии. Аргивяне сочли это изменой и начали избивать Фрасилла камнями, однако он спасся, бежав к алтарю (*ὁ δὲ καταφυγὼν ἐπὶ τὸν βωμὸν περὶγύνηται*) (Thuc., V, 60, 6). Без уточнения процессуальных подробностей Фукидид сообщает, что имущество Фрасилла было конфисковано.

В 411 г. в Милете, где стоял пелопоннесский флот, против наварха Астиоха назрел мятеж среди моряков, от избиения камнями он спасся, бежав к жертвеннику (*катаφεύγει ἐπὶ βωμὸν*) (Thuc., VIII, 84, 3).

Словами афинского глашатая в обращении к беотянам Фукидид определяет назначение сакрального убежища – «алтари служат убежищем для невольных грешников» γὰρ τῶν ἀκούσιων ἀμαρτημάτων καταφυγὴν εἶναι τοὺς βωμοὺς (Thuc., IV, 98, 6).

Перемещение умоляющих о защите из святыни на территорию вне святилища свидетельствует о желании избежать нарушения неприкосновенности священного места: взамен сакрального умоляющим предлагалось территориальное убежище. Так поступил афинский стратег Пахет с теми митиленианцами, кто ранее активно добивался заключения союза с лакедемонянами: уговорил бросившихся к алтарям оставить убежища и поселил их на острове Тенед до решения Афин об их участии, пообещав не причинять им вреда (μὴ ἀδικῆσαι) (Thuc., III, 28, 3). Так же было на Керкире: опасаясь заговора среди укрывшихся в храме Геры олигархов демократы уговорили их выйти и поместили на острове недалеко от храма, посылая туда все необходимое (ἐπιτήδεια) (Thuc., III, 75, 5). Такая политика в отношении умоляющих могла перевести проблему из области сакрального, божеского, в сферу светского, человеческого, более понятного, регулируемого принципом «по праву сильного». После прибытия к Керкире 53 спартанских кораблей и неудачного для керкирян и поддерживавших их афинян морского сражения, демократы, опасаясь теперь уже объединения помещенных на остров олигархов со спартамцами, снова помещают своих противников в храм Геры. Под давлением внешней угрозы керкирские демократы идут на переговоры с олигархами, в том числе находящимися в храме, и совместными усилиями снаряжают 30 кораблей. Но после отступления спартанского флота, узнавшего о приближении афинского подкрепления, участь олигархов была определена принципом «по праву сильного». В течение 7 дней нахождения афинского флота в Керкире продолжалась резня: были убиты олигархи, убежденные взойти на корабли для обороны от спартамцев, около 50 человек из молящих демократы убедили подчиниться суду и приговорили к смерти, оставшиеся в храме, видя происходившее, стали убивать себя и друг друга прямо в святилище. Убивали сограждан не только по подозрению в намерении ниспровергнуть демократию, но и должников, и из личной вражды (Фук., III, 81, 4).

Охватившие во время войны практически всю Элладу внутривоиспольные распри (στασιάσεις) между олигархами и демократами влекли за собой многочисленные случаи изгнания (φυγαί) (Thuc. I, 23, 2). Изгнанию подвергались как отдельные личности, (афинские стратеги Пифодор и Софокл, заподозренные в подкупе; историк Фукидид; изгнанником считал себя Алкивиад), так и общественные группировки. Убежищем, изначально не связанным с расчетом на неприкосновенность святилищ, для побежденных во внутренних смутах становилась территория, расположенная в непосредственной близости к месту конфликта (изолированная часть города, гавань, остров). Так, в результате смуты из Колофона были изгнаны сторонники демократии. Изгнанники (οἱ καταφυγόντες) поселились в портовом городе Нотий недалеко от Колофона, но и здесь возникли распри, часть беженцев призвала персидских наемников во главе с Писсуфном, к ним присоединились проперсидски

настроенные оставшиеся в Колофоне граждане. Другая часть призвала афинского стратега Пахета, бывшего в это время у Митилены, который возвратил Нотий колофонянам, позже в Нотий из Афин были направлены ойкисты, там был установлен демократический строй. (Thuc., III, 34, 4).

Около 426/5 г. до н.э. в результате переворота в Мегарах была установлена демократия, олигархи-изгнанники обосновались в гавани Пеги и оттуда досаждали мегарянам разбоем. Кроме того, по сведениям Фукидида, мегарским изгнанникам примерно на год лакедемонянами были предоставлены для жительства Платеи (Фук., III, 68, 3), ранее разрушенные спартанцами. Захватившие власть демократы, не уверенные в достаточности своих сил противостоять набегам изгнанников (τοὺς φεύγοντας) (Thuc., VI, 66), намеревались сдать город афинянам, но заговор не удался, в 424 г. до н.э. при помощи войск спартанского полководца Брасида в городе было восстановлено олигархическое правление.

В 417 г. в Аргосе состоялась битва между демократами и олигархами, бежавшие (φυγάδας) олигархи поселились во Флиунте (Thuc., V, 83, 3). На следующий год Алкивиад, прибывший в Аргос, захватил в плен 300 аргосцев, подозреваемых в связях с лакедемонянами, и поместил их на близлежащем острове. Позже, когда Алкивиад сам подвергся преследованию, афиняне выдали помещенных на острове аргивянам для казни.

О месте убежища эпидамнских изгнанников (ἐξεδίωξε τοὺς δυνατούς) – олигархов Фукидид не сообщает, упоминает только что они «вместе с варварами стали грабить оставшихся в городе жителей и с суши, и с моря» (Фук., I, 24, 5). Для защиты от набегов эпидамняне обратились за помощью к своей метрополии, что в итоге вылилось в конфликт между Коринфом и Керкирой, названный Фукидидом одной из «причин (αἰτίαι), о которой с обеих сторон говорилось открыто и которые привели к нарушению мира и возникновению войны» (Thuc., I, 23,6).

Фукидид не использует ни в одном из перечисленных выше эпизодов с изгнанниками понятие «убежище» (катаφυγήν), употребляя его в основном в тех местах, где речь идет о поиске безопасного места (для судна, войска), и в пассаже с определением убежища у алтаря. Обращает на себя внимание общий корень в словах «убежище» (катаφυγήν) и изгнанники (φεύγοντας). Говоря о Катане, ставшей убежищем для сумевших бежать от сиракузян и позже из рабства остатков афинского войска на Сицилии, Фукидид употребляет слово «ἀναχώρησις», в других местах «Истории» нагруженное смыслом «место отступления».

Своего рода территориальным убежищем для афинян, живших не в Афинах, а в его окрестностях, в самом начале войны должен был стать город (ἄστυ). Убежденные Периклом в необходимости покинуть поля и жилища (γῆν καὶ οἰκίας ἀφεῖναι) (Thuc., I, 143, 5) и переместиться в город, только немногие (ὀλίγοις) смогли устроиться у друзей и родственников, большинство же (οἱ δὲ πολλοὶ) поселялись где придется, в том числе в священных местах. Асилия сакральных территорий была нарушена заселением беженцами с полей – «пришельцами» у Фукидида, «ἐπελθόντας» (Thuc., II, 52, 1). Предло-

женное Периклом территориальное убежище не было способно вместить и обеспечить нормальную жизнедеятельность большого количества людей, что привело к массовой гибели населения от разразившейся на второй год войны эпидемии. Измученные войной и болезнью афиняне перестали даже молиться в храмах «ὄσα τε πρὸς ἱεροῖς ἰκέτευσαν» и обращаться к оракулам, т.е. «совершенно оставили надежды на спасение» (Фук., II, 47, 4).

Таким образом, на основании данных Фукидида можно обозначить особенности сакрального и территориального убежища в период Пелопоннесской войны, разрушившей основы материальной и духовной межполисной и внутриволистной общественной жизни:

авторитет святилищ как мест убежищ, наделенных правом асиии, остается общепризнанным всеми греками, несмотря на упадок нравственности и пренебрежение к законам, в том числе религиозным, ставшими характерными чертами обществ греческих полисов (Фук. II, 52, 3; II, 53, 4);

попыткой избежать совершения агос в отношении святилища становится перемещение умоляющих о защите (гикетов) из сакрального убежища в территориальное, с сохранением условия безопасности молящихся;

религиозный прием гикетии используется для достижения политических целей, в том числе в межполисных отношениях, приобретая характер религиозно-политического;

понятие территориального убежища во время Пелопоннесской войны еще не сформировано, но предоставление определенной, не связанной с представлением о неприкосновенности священного места, территории уже практиковалось.

¹ Никитюк Е.В. Классификация преступлений против религии в греческом праве классического периода (часть I). Вестник СПбГУ. Сер.2: История. Вып.1-2.СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004, с.48-54. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох . М. 2000.

² Суриков И.Е. Из истории ... С. 121.

³ Суриков И.Е. Из истории ... С. 122.